

Меморандум В. Ф. Одоевского

"Тезисы Хомякова" -- так называется публикуемая рукопись В. Ф. Одоевского, представляющая без всякого преувеличения огромный живой, а не академический только интерес. Одоевским зафиксирован важный и до сих пор не учтенный факт идейного противоборства, дорисовывающий драматическую историю перерастания дружеских, начавшихся еще в двадцатые годы отношений в неприязнь; значительнее однако другое -- в споре петербургского "мистика"- "прогрессиста" (так многими очерчивалась его позиция) Одоевского и московского славянофила Хомякова с предельной отчетливостью обозначились принципиально разные подходы к проблеме национальной самобытности, определились формулы, громко прозвучавшие в пору "Вех", а ныне -- в период наивного западничества и вульгарного славянофильства -- ставшие расхожими штампами.

К середине 1840-х годов, как ранее уже отмечалось¹, стало ясно, что в понимании сути народной жизни Одоевский резко разошелся со своими друзьями-славянофилами. "Неужели же нам суждено, наконец, быть противниками? -- 9 июля 1845 года писал "любезному" другу Одоевскому Хомяков. -- Разумеется, если бы и так, то это нисколько не изменило бы наших старинных дружеских отношений, но прибавило бы много горечи к делу, которое и само по себе уже не больно отраднo. Да неужели это необходимо?"² Как видим, у Хомякова все еще теплилась надежда на то, что можно сблизить позиции, о многом договориться, что ему удастся привлечь Одоевского на свою сторону, поскольку в "Русских ночах" "Фауст у него сделался славяно-руссом"³. "Мне кажется, все дело в недоразумении, -- писал Хомяков. -- Ни ты, любезный Одоевский, ни другие, которые вместе с тобою всегда желали добра и подвизались за него (как, напр<имер>, Жуковский), вы не вполне оценили минуту современную ни в России, ни вне России. Дело всех людей, всех народов решается собственно у нас, а не на Западе, дело истинное, дело просвещения и жизни, которое гораздо выше и важнее всех так называемых практических вопросов"⁴. Однако противостояние возникло вовсе не из-за недоразумения или недопонимания -- искания Одоевского шли в ином направлении. Провозгласив, что "девятнадцатый век принадлежит России"⁵, он вместе с тем прекрасно понимал опасность самоизоляции, высокомерно-презрительного взгляда на Европу, пренебрежения достижениями науки и техники и ратовал за совершенствование форм и условий народного быта, за скорейшее разрешение назревших "практических" вопросов. Писатель считал нелепым "разделение на русских иностранцев и на русских-русских"⁶, культивировавшееся Хомяковым и его единомышленниками: очевидный смысл такого противопоставления, высказанный еще в 1832 году в стихотворении Хомякова "Иностранка" -- "... ей чужда моя Россия"⁷, -- Одоевский категорически отвергал. Не признавая такого разделения соотечественников ("все любим Россию"⁸, -- возражал он Хомякову), Одоевский не мог объяснить себе, как его московские друзья, стремящиеся обнаружить некие самобытные, естественные, созидательные начала русской жизни, чтобы затем способствовать их органическому развитию, оказались в то же время людьми, не осознающими в полной мере природной силы нации. По его убеждению, болезненный опыт петровских реформ убедительно показал, что можно и должно есть не "наш собственный желудок", а переваривать чужое⁹, иначе говоря, что не следует, осваивая европейские достижения, бояться утраты самобытности. Этого не может и не должно произойти.

Вера Одоевского в силы России, в ее великое будущее не была обусловлена представлениями об исчерпанности, завершенности экономического и духовного развития Европы. Он исходил из того, что каждому народу суждено сыграть свою несомненно важную роль в истории, и был убежден, что пришло время России внести свой вклад в жизнь других европейских наций, возглавить их.

Воспринимая историю как всё изменяющий процесс, как путь прогресса, Одоевский не без удивления обнаруживал, что его московские друзья склонны идеализировать минувшее и в соответствии со своими представлениями, опираясь на отдельные исторические извлечения, пытаются отыскивать в прошлом неизменные, исконно славянские (архетипические, если так можно сказать) черты, хотят таким образом "посредством дотатарской Руси найти закон русской жизни в настоящую минуту": "Мечта! Мечта!" -- упрекал он Хомякова, не допуская возможности обустроить страну "на элементах допотопной Руси, еще не открытых"¹⁰.

Однако эти устремления Хомякова, его занятия "историческими призраками" (готфами, венедами и т. п.)¹¹ затронули писателя за живое, и Одоевский наметил для себя план работы: